

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЕЛТОГО ЧЕМОДАНЧИКА

Глава 1 ДЕТСКИЙ ДОКТОР

Детского Доктора разбудило яркое солнце и ребячий смех.

Детский Доктор мог целыми днями слушать этот смех. Это были для него самые приятные звуки на свете.

Ребята играли во дворе и смеялись.

Время от времени снизу поднималась серебряная струя воды. Можно было подумать, что посреди двора лежит большой кит. Детский Доктор, конечно, понимал, что этого не может быть. Он знал, что это дворник дядя Антон поливает клумбу.

Детский Доктор чувствовал себя утомленным.

Последнее время у него было очень много работы. По ночам он писал книгу. Книга называлась «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки».

Днем он работал в детской поликлинике, а после работы собирал материал для своей книги. Он ходил по дворам и скверам, входил в темные подъезды и даже заглядывал под лестницы.

«Как хорошо, что сегодня мне не надо идти в поликлинику! — подумал Детский Доктор. — Я смогу сегодня отдохнуть и, может быть, даже закончу седьмую главу моей книги. У меня сегодня только два вызова. Правда, один случай очень тяжелый: эта грустная девочка Тома...»

В это время раздался громкий звонок.

Детский Доктор пошел в переднюю и открыл дверь.

За дверью стояла мама.

Конечно, это была не мама Детского Доктора. Это была мама какого-нибудь мальчика или девочки. Но то, что это была мама, было несомненно. Это было сразу видно по ее большим несчастным глазам.

Детский Доктор тихонько вздохнул и пригласил эту чью-то маму в кабинет.

Правда, это была очень хорошая мама. Детский Доктор это сразу определил.

Такая мама наверняка умела быть строгой.

Но, с другой стороны, такая мама наверняка разрешала своему ребенку лазить по деревьям и бегать босиком по лужам.

«Интересно, как она относится к дракам? — подумал Детский Доктор. — Ее мнение было бы важно для моей книги «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»...»

— Вы понимаете, Доктор... — волнуясь, начала мама. Ее глаза были совсем темными и несчастными. А ведь, наверное, ее глаза умели ярко сиять. — Видите ли... Мне вас очень рекомендовали... У меня сын Петя... Ему девять лет. Он очень болен. Он... вы понимаете... он... трус...

Прозрачные слезы одна за другой закапали у мамы из глаз. Можно было подумать, что вдоль щек у нее висят две нитки блестящих бус. Видно было, что ей очень тяжело.

Детский Доктор смутился и стал смотреть в сторону.

— Вот рано утром... — продолжала мама. — Понимаете, как проснется... или, например, как придет из школы... а вечером...

— Так, так, — сказал Детский Доктор. — Минуточку, минуточку. Вы лучше отвечайте на мои вопросы... В школу ходит один?

— Провожая и встречаю.

— А в кино?

— Уже полтора года не был.

— Собак боится?

— Даже кошек... — тихо сказала мама и всхлипнула.

— Понятно, понятно! — сказал Детский Доктор. — Ну ничего. Современная медицина... Приходите ко мне завтра в поликлинику. Я вас запишу на двенадцать часов. Вам удобно в это время?

— В поликлинику? — растерялась мама. — Вы знаете — он не пойдет. Ну ни за что на свете. Не могу же я вести его силой? Как вы считаете?.. Я думала... вы к нам на дом... Мы здесь недалеко живем. На сто втором автобусе...

— Ну хорошо, хорошо... — со вздохом сказал Детский Доктор и с тоской посмотрел на свой письменный стол. — Мне все равно сейчас надо ехать на Лермонтовский проспект к этой грустной девочке Томе...

И Детский Доктор стал складывать лекарства в свой небольшой чемодан-

чик. Чемоданчик был среднего возраста, не новый и не старый, желтого цвета, с блестящими замками.

— Минуточку, минуточку, чтобы не забыть... Это порошок смеха для грустной девочки Тома. Очень сильнодействующее средство... Уж если он не поможет... Так... Бутылка антиболтина. Так, так. Перед употреблением взбалтывать... Это для одного болтуна... А для вашего Пети...

— Простите, Доктор... — опять засмущалась мама. — Вы и так очень любезны... Но... Петя не принимает никаких лекарств. Боится. Он даже не пьет газировку, потому что она шипит. А суп я ему наливаю в мелкую тарелку. Он боится есть из глубокой тарелки.

— Естественно, естественно... — задумчиво пробормотал Детский Доктор.

— Вы находите это естественным? — От удивления мамины глаза стали в четыре раза больше.

— Это естественно для данного заболевания, — ответил Детский Доктор, насыпая что-то в бумажный кулек. — Таким детям я даю лекарство в виде конфет. Вы видите, самая обыкновенная конфета в розовой бумажке. Самые

трусливые дети смело кладут ее в рот и...

Детский Доктор и мама вышли на улицу.

На улице было просто замечательно!

Солнце было горячее. Ветерок прохладный. Дети смеялись. Взрослые улыбались. Куда-то быстро ехали машины.

Детский Доктор и мама подошли к автобусной остановке.

За желтым забором уходила в небо высокая телевизионная вышка. Она была очень красивая и очень высокая. Наверное, всем мальчишкам в этом районе она снилась каждую ночь.

А на самом ее верху горел ослепительный огонек. Он был такой яркий, что лучше было целый час смотреть на солнце, чем одну минуту на этот огонек.

Вдруг этот огонек погас. И тогда стало видно, что там, на самом верху, копошится какой-то черный муравей. Потом этот черный муравей пополз вниз.

Он становился все больше и больше, и вдруг оказалось, что это вовсе не муравей, а рабочий в синем комбинезоне.

Потом в желтом заборе открылась какая-то дверца, и рабочий, нагнувшись, прошел через эту дверцу.

В руке у него был желтый чемоданчик.

Рабочий был очень молодой и очень загорелый.

У него были ярко-голубые глаза.

«Может быть, они такие голубые, потому что он работает так высоко в небе?.. — подумал Детский Доктор. — Нет, конечно, я рассуждаю слишком наивно...»

— Вы уж извините меня, старика! — сказал Детский Доктор молодому рабочему. — Но я хочу вам сказать, что вы очень смелый человек!

— Ну что вы! — смутился молодой рабочий, и стал еще моложе, и стал совсем похож на мальчишку. — Ну какая тут смелость!

— Работать на такой высоте! Разрешите пожать вашу руку! — разволновался Доктор и, поставив свой желтый чемоданчик на землю, протянул руку молодому рабочему.

Молодой рабочий тоже поставил свой чемоданчик на землю и пожал руку Детскому Доктору.

— Вы, конечно, в детстве любили драться? Я не ошибся?

Молодой рабочий покраснел и в смущении покосился на людей, стоявших в очереди.

— Да, бывало... Ну что вспоминать такие глупости...

— Это совсем не глупости! — воскликнул Детский Доктор. — С точки зрения науки... Но сейчас говорить об этом не время. Главное — это ваша удивительная смелость. Смелость — это...

— Наш автобус, — тихо сказала мама.

Но она сказала это таким голосом, что Детский Доктор сразу на нее посмотрел. Он увидел, что ее лицо побелело и стало каким-то каменным. Можно было подумать, что это не мама, а статуя мамы.

А глаза, которые умели сиять, стали совсем мрачными.

Детский Доктор виновато втянул голову в плечи, подхватил желтый чемоданчик и полез в автобус.

«Ах я разбитый градусник! — думал он, стараясь не глядеть на маму. — Какая бестактность говорить в ее присутствии о смелости. Я врач и так грубо ткнул пальцем в рану. Да еще такая хорошая мама... Ах я дырявая грелка, ах я...»

Глава 2

ТРУСЛИВЫЙ МАЛЬЧИШКА

Мама открыла дверь и через темную переднюю провела Детского Доктора в ярко освещенную комнату.

Комнату заливало солнце.

Но как будто этого было мало. Под потолком горела большая люстра. На тумбочке стояла зажженная настольная лампа. А на столе лежал зажженный электрический фонарик.

— Петенька мой! — тихо и ласково сказала мама. — Это я пришла! Где ты?

Под кроватью кто-то зашевелился. Можно было подумать, что там лежит большая змея.

— Петенька! — опять тихо и ласково сказала мама. — Я здесь. Я не дам тебя никому в обиду. Вылезай, пожалуйста!

Из-под кровати показалась голова мальчишки.

Детский Доктор посмотрел на Петьку и улыбнулся.

Он терпеть не мог лечить мальчишек и девчонок, которые ему не нравились. А Петька ему сразу понравился.

То есть, конечно, не весь Петька, а

только Петькина голова. Весь Петька был еще под кроватью.

Но у Петьки был хороший подбородок, симпатичные уши, торчавшие в разные стороны, а на носу были четыре замечательные веснушки.

— Вылезай, вылезай, — сказал Детский Доктор, радуясь, что Петька ему понравился. — Под кроватью темно, вылезай на солнышко.

Петька на животе осторожно вылез из-под кровати. Теперь он был похож не на змею, а на большую ящерицу без хвоста.

— Ну вставай, вставай, чего на полу лежать-то! — сказал Детский Доктор. — По полу, знаешь, иногда мыши ходят.

— Встань, Петенька, не бойся! — тихо и терпеливо сказала мама.

Петька встал. Теперь он был похож не на ящерицу, а просто на хорошего мальчишку.

Детский Доктор обошел вокруг Петьки, глядя на него своими опытными глазами.

— А ну-ка, согни руку, я посмотрю, какие у тебя мускулы!

Петька посмотрел на маму жалкими глазами и согнул в локте дрожащую руку.

— Совсем не так плохо! Совсем не так плохо! — довольным голосом сказал Детский Доктор. — А ну-ка, теперь подпрыгни!

Но вместо того чтобы подпрыгнуть, Петька обеими руками вцепился в спинку стула. Петька так в него вцепился, что его пальцы побелели, как отмороженные.

— Ну подпрыгни, сыночек! — тихо сказала мама. — Ну, пожалуйста. Это надо для лечения...

Петька с упреком посмотрел на маму и подпрыгнул.

По правде говоря, когда он подпрыгнул, между его подошвами и полом с трудом можно было просунуть мизинец маленького ребенка.

— Отлично, отлично! — сказал Детский Доктор и сел за стол. — Случай, конечно, запущенный, но не тяжелый. Сто граммов конфет «Настоящая храбрость» — и он будет здоров. Вот увидите: он сейчас съест одну конфетку и пойдет гулять во двор.

И тут глаза мамы, которые умели сиять, наконец засияли.

«Да, да, я не ошибся, — подумал Детский Доктор, — они могут сиять, ее глаза...»

— Неужели это правда? — сказала мама и засмеялась от счастья. — Ну тогда я пойду на работу, а то я уже совсем опаздываю. Мне и так придется бежать всю дорогу. Я только попрошу соседку, чтобы она посидела с Петенькой, и пойду.

— Никаких соседок! Никаких соседок! — строго сказал Детский Доктор. — Я категорически против соседок. Это может только повредить. Я сам прослежу, чтобы ваш сын как следует разжевал конфету «Настоящая храбрость» и проглотил ее. И все будет в порядке.

— Мамочка! — прошептал Петька.

— Не бойся, сыночек, надо слушаться Доктора.

— Не уходи! — всхлипнул Петька.

— Но ты же слышал, что сказал Доктор. Все будет хорошо!

И с этими словами эта хорошая мама крепко поцеловала сына, крепко пожала руку Детскому Доктору и ушла.

Она ушла очень счастливая, и глаза ее сияли.

А Детский Доктор взял желтый чемоданчик и поставил его на стол.

Потом он потянул замки большими пальцами в разные стороны. Замки

громко щелкнули, и чемодан открылся.

И вдруг Детский Доктор громко вскрикнул и уставился в открытый чемоданчик с таким видом, как будто он уставился в открытую пасть крокодила.

Потом он схватился руками за волосы и замер с открытым ртом. Потом он закрыл рот, опустил руки, схватил чемоданчик и вывалил все его содержимое на стол.

На стол тяжело упала толстая серая книга и металлический щиток с темным стеклом посередине. На книге большими буквами было написано «Верхолаз-электросварщик».

— Чемодан... — прошептал Детский Доктор белыми дрожащими губами. — Это не мой чемодан...

Петька хрипло заревел от страха.

Детский Доктор посмотрел на Петьку отсутствующими глазами.

— Это чемодан того храброго молодого человека, — простонал он. — Ну конечно, я не взял свой чемодан, а взял не свой чемодан. То есть я хочу сказать, что он взял мой чемодан, а не взял свой чемодан. А в моем чемодане лежат конфеты «Настоящая храбрость»... О-о-о...

Детский Доктор снова застонал таким ужасным голосом, как будто у него заболели сразу все зубы.

— Эти конфеты может есть только трус. А этот храбрый молодой человек и так слишком храбрый. Если он съест хоть одну конфету, он станет чересчур храбрым, и тогда... Нет, нет, его надо скорее найти! Вот тут на книжке написано: Валентин Ведеркин. Я должен бежать! — закричал Детский Доктор, поворачиваясь к Петьке. — А ты подожди тут маму!

Но Петька всей тяжестью повис на рукаве Детского Доктора. Слезы заливали все его лицо и, как серьги, болтались на оттопыренных ушах. Рукав затрепал. Еще немного, и Детский Доктор отправился бы на поиски Валентина Ведеркина в пиджаке с одним рукавом.

— Я один не останусь! Я боюсь! — рыдал Петька.

— Тогда пойдем со мной!

— И с вами не пойду! Я боюсь!

— А чего ты больше боишься: оставаться здесь или идти со мной?

— Одинаково!

— Выбирай!

— Боюсь выбирать!

- Ну, решай скорее!
— Боюсь решать!
— Ну, скорее!
— Боюсь скорее!
— Ну хочешь, я отведу тебя к соседке? Как ее зовут?
— Тетя Катя.
— Где она живет?
— Не знаю.
— Ну, в какой квартире?
— Не знаю.
— Ну, пойдем ее поищем!
— Боюсь искать!..
— Так мы с тобой до вечера проговорим! — закричал Доктор, бросаясь к двери. — А я больше не могу ждать!..

Глава 3

ВАЛЕНТИН ВЕДЕРКИН И ЕГО БАБУШКА

Валентин Ведеркин стоял посреди комнаты и смотрел на потолок. Он был уже не в синем комбинезоне, а в красивом костюме.

Рядом с ним стояла его бабушка Анна Петровна и тоже смотрела на потолок.

Две пары голубых глаз смотрели на потолок.

На потолке было желтое пятно. Оно было совсем ни к чему на этом белом потолке в этой новой комнате.

— Течет, — вздохнула Анна Петровна. — Ночью дождик был, и опять протекло.

Анна Петровна была маленькая старушка с тихим, добрым лицом. У нее были добрые глаза, добрый рот и добрые брови. Даже нос и щеки у нее были добрые.

— Ты бы с управдомом поговорила, бабушка! — с досадой сказал Валентин Ведеркин.

Анна Петровна подняла на него кроткие голубые глаза.

— Я бы с ним поговорила, да вот он со мной говорить не хочет, — с огорчением сказала она. — Вон он, на лавочке сидит...

— Давай я с ним поговорю!

— Что ты, что ты, Валечка! Ты человек горячий! — испугалась Анна Петровна. — И голос у тебя такой, слишком громкий. Еще соседа нашего побеспокоишь. Я вот чай пью, так сахар в чашке не размешиваю. Боюсь, ложечкой звякну — потревожу его.

Может, он сейчас отдыхает. Может, ему сегодня лететь... Ты иди, иди, милый, а то в кино опоздаешь...

Анна Петровна проводила внука в переднюю и закрыла за ним дверь.

«Надо же, какой отчаянный! — подумала она, на цыпочках возвращаясь в комнату. — Даже управдома не боится».

Анна Петровна села на стул и стала смотреть на желтое пятно.

Она смотрела на него и смотрела, как будто это пятно могло прибавить ей силы для разговора с управдомом.

Наконец она подошла к окну.

Управдом сидел на скамейке, смотрел на клумбу и о чем-то думал. У него было красное лицо и красная шея. Посреди красного лица торчал не очень красивый нос, похожий на большую грушу.

Анна Петровна долго откашливалась и даже сама себе улыбалась от смущения, а потом робко крикнула:

— Пожалуйста, будьте так любезны... Я вас очень прошу...

Домоуправ поднял голову и что-то зарычал. Анна Петровна поскорее ушла с балкона, хотя балкон был на пятом этаже.

«Ну что ж, пятно — это только пятно... Не упадет же оно мне на голову, — подумала она. — Правда, вот осенью, когда пойдут дожди...»

Анна Петровна вздохнула и принялась за уборку. Она повесила в шкаф синий комбинезон. Потом она открыла желтый чемоданчик. Она всегда в нем тоже наводила порядок.

«Конфеты! — умилилась она, заглянув в небольшой бумажный кулек. — Ну совсем еще дитя, совсем дитя! Не может без сладенького. А конфеты какие-то интересные. Никогда таких и не видала... Надо попробовать...»

И тут эта милая, добрая старушка развернула конфетку и сунула ее в рот. Конфета была приятная, немного мятная, немного сладкая, а немного какая-то не поймешь какая. После нее во рту стало прохладно и даже весело.

«Очень хорошие конфеты! — решила Анна Петровна и съела еще одну. — Даже лучше «Мишки». И недорогие, наверное. Только вот надо мне будет с управдомом еще раз поговорить, и по-серьезнее...»

Вторая конфета ей показалась вкуснее, чем первая, и она съела еще одну конфету.

— И правда, какое безобразие, — сама себе сказала Анна Петровна. — На скамейке сидеть у него всегда времени хватает, а вот о жильцах подумать — на это времени у него нет. Ну, я до этого управдома еще доберусь!

В коридоре слышались шаги.

Анна Петровна подскочила к двери, распахнула ее и втащила в комнату высокого летчика.

У летчика было очень смелое лицо. У него были смелые глаза, высокий смелый лоб и твердые смелые губы.

Наверное, он ни разу в жизни ничего не пугался. Но сейчас он смотрел на Анну Петровну с изумлением и даже некоторым страхом.

— А ну-ка, голубчик, сейчас же садись пить чай! — закричала Анна Петровна и стукнула кулаком по столу. (Старенький стол испуганно покачнулся. За всю его долгую жизнь в этой семье по нему никто не стучал кулаком.) — Как это так получилось, что мы живем в одной квартире, а я тебя, голубчик, еще ни разу не напоила чаем?

— Спасибо, Анна Петровна, — растерянно сказал летчик. — Я только что...

— Тогда хоть конфеты эти возьми, горе мое! — продолжала кричать Анна Петровна. — Знаю я вас!.. Небось в воздухе захочется сладенького! Вот и скушаешь!..

И с этими словами Анна Петровна высыпала весь кулек конфет в карман летчику.

— Ну, а как твоя грустная дочка Тома? Еще ни разу не улыбнулась? Надо будет ей тоже купить конфет!

Смелое лицо летчика потемнело. Наверное, когда его самолет шел в сплошных грозových тучах, у него было такое лицо.

— Спасибо вам, Анна Петровна, но здесь конфетами не поможешь, — тихо сказал летчик, и его смелые губы дрогнули. — Тома перестала улыбаться с тех пор, как заболела ее мама. Вы знаете, ее мама две недели была тяжело больна. Сейчас она здорова. Но Тома с тех пор никак не может улыбнуться. Она разучилась. Я обратился к самому лучшему Детскому Доктору в нашем районе... Может быть, он заставит ее улыбнуться...

— Ничего, не отчаивайся, голубчик! — закричала Анна Петровна. — В ее-то возрасте!.. Это вот если в моем возрас-

те разучиться улыбаться! Ну, выпей-ка чаю! Я его сейчас подогрею.

И она так сильно толкнула летчика на диван, что все пружины квакнули, как лягушки.

— К сожалению, я должен идти, — сказал летчик, поднимаясь и потирая ушибленный локоть. — У меня сегодня полет, а я еще до полета хотел зайти к своему старому приятелю. Он работает в цирке укротителем. Там у них, знаете, разные дрессированные медведи, собачки, клоуны. Может быть, они расшешат мою грустную девочку... И спасибо вам за конфеты...

Едва только за смелым летчиком закрылась дверь, Анна Петровна бегом бросилась к окну.

Управдом по-прежнему сидел во дворе на скамейке, по-прежнему смотрел на клумбу и по-прежнему о чем-то думал.

— Эй, голубчик! — так громко крикнула Анна Петровна, что воробьи с пискom посыпались во двор. — Что за безобразие? А ну-ка сейчас же полезай на крышу!

Управдом поднял красное лицо и ухмыльнулся:

— Некогда мне тут по разным кры-

шам лазить. У вас течет — вы и полезайте!

— Ах так?! Ну хорошо, голубчик!.. — закричала Анна Петровна. Она еще больше высунулась из окна и обняла обеими руками голубую водосточную трубу, как будто это была ее самая лучшая подруга. Мелькнули в воздухе ее домашние тапочки с белым мехом.

Через минуту она с гордым видом стояла на пожарной лестнице.

Она посмотрела вниз и увидела задранное кверху лицо управдома. Оно было похоже на белое блюдечко, на котором лежала довольно большая груша. Управдом так побледнел, что даже шея у него стала совершенно белой.

Глава 4 НА ПОЖАРНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Детский Доктор бежал по улице и тащил за собой дрожащего Петьку. Вернее, Петька летел по воздуху и только изредка отталкивался от земли носками своих ботинок.

Детский Доктор влетел в большую толпу, которая стояла прямо посреди

улицы. Он чуть не сбил с ног высокую тетю в ярко-красной шляпе и какого-то рыжего мальчишку. Рыжий мальчишка стоял, задрав голову кверху, и держал не поймешь что на веревочке. Это было что-то серое и настолько мохнатое, что не было видно ни глаз, ни ушей.

«Гав-гав-гав!» — не переставая лаяло это серое и мохнатое.

Значит, скорее всего, это была собака.

А рыжий мальчишка не переставая говорил.

— А она ка-ак из окна высунется, — говорил рыжий мальчишка, — ка-ак закричит, ка-ак за трубу уцепится, вот так руками ее обхватит!..

С этими словами рыжий мальчишка крепко обхватил руками ногу какого-то высокого дяди.

— До чего довели пожилую женщину! До пожарной лестницы! — закричала высокая тетя в ярко-красной шляпе.

— Такая тихая старушка! Кошке на хвост наступит — извинится!

— Да уж, мухи не обидит!

— Какая муха? При чем тут муха? Муху-то не жалко обидеть! А вот человека обидели!

— Ай! Упадет! Упадет!

— Кто? Кто?

— Чуткости, чуткости не хватает! Если бы побольше чуткости, не полезла бы она на пожарную лестницу!

— Кто? Кто?

— Да Ведеркина из сороковой квартиры!

— Ведеркина?! — закричал Детский Доктор, хватая каких-то людей за локти.

Он поднял голову и застонал от ужаса.

На пожарной лестнице, почти под самой крышей, стояла маленькая старушка. Белые волосы выбились из-под платка с розовыми цветочками. Голубые глаза горели. А сатиновый передник развевался по ветру, как пиратский флаг.

Немного ниже ее, на пожарной лестнице, стоял человек с бледным лицом и протягивал к ней то одну, то другую руку.

Еще немного пониже стоял дворник в белом переднике.

А еще пониже стоял монтер с большим мотком проволоки через плечо.

— Слезьте, Анна Петровна, слезьте! — умоляюще кричал человек с бледным

лицом. — Я вам слово даю: сейчас же сам полезу! Да держитесь вы крепче!

— Я-то держусь, а вот ты слово свое не удержишь! — спокойно сказала старушка и погрозила ему пальцем.

— Ай!.. — закричал человек с белым лицом.

— Ох!.. — простонал дворник, который стоял на несколько ступенек ниже.

А монтер, стоявший еще ниже, задрожал так сильно, как будто через него все время проходил электрический ток.

«Голубые глаза... — подумал Детский Доктор. — Конечно, это его бабушка...»

Петька обнял Детского Доктора обеими руками, постарался засунуть голову ему под халат.

— А она ка-ак за трубу схватится, ка-ак по лестнице полезет, а они ка-ак закричат!.. — ни на минуту не замолкал рыжий мальчишка. — А сама руками вот так перебирает, а ногами вот так переступает...

«Гав-гав-гав!» — лаяла безухая и безглазая собака.

Наверное, она тоже была болтунья, только она говорила на собачьем языке.

— Анна Петровна, слезайте! — закричал Детский Доктор. — Произошло недоразумение!.. Вы съели конфету... и при ее помощи...

— Карету?! — наклоняясь, закричала Анна Петровна. — «Скорой помощи»?! Молод ты еще, голубчик, так со мной разговаривать!

— Да нет! — Детский Доктор в отчаянии сложил ладони стаканчиком, прижал их ко рту и закричал изо всех сил: — Произошла ошибка!

— А я и не шибко! — с достоинством отвечала Анна Петровна. — Лезу себе не спеша на крышу, и все...

— У меня чемоданчик вашего внука! — уже в полном отчаянии крикнул Детский Доктор и поднял над головой желтый чемоданчик. Он поднял его с таким видом, как будто это был не чемоданчик, а спасательный круг.

— Валечкин чемоданчик! Как же это он у тебя очутился? — ахнула Анна Петровна и, быстро перебирая руками и ногами, стала спускаться вниз.

— Осторожнее! — закричала толпа.

— Ой! Она сейчас прямо на нас упадет! — прошептал Петька и согнулся, закрыв голову руками.

Но Анна Петровна, ловко ухватив-

шись за трубу, уже нырнула в окно своей комнаты.

Детский Доктор побежал к подъезду. Петька бросился за ним.

На лестнице Петька отстал от Детского Доктора. Детский Доктор, как мальчишка, прыгал через две ступеньки. А Петька, как старый старичок, еле тащился вверх по лестнице, дрожащей рукой цепляясь за перила.

Когда Петька наконец вошел в комнату Анны Петровны, Детский Доктор уже сидел на стуле и со счастливой улыбкой вытирал со лба крупные капли пота.

А перед ним на столе стояли рядышком два одинаковых желтых чемоданчика.

— Дорогая Анна Петровна! Вот теперь, когда я вам все объяснил, вы понимаете, почему я так разволновался... — с облегчением говорил Детский Доктор и никак не мог перестать улыбаться. — Значит, вы никогда не лазили по пожарным лестницам? Прежде вы за собой этого не замечали? Так сколько конфет вы съели?

— Три штуки, голубчик! — немного смущенно сказала Анна Петровна. — Так ведь я думала, что это Валечкины... А то бы я...

— Ничего, ничего. Их должно остаться еще больше десятка, — успокоил ее Детский Доктор.

Он открыл свой желтый чемоданчик, заглянул туда, а потом с удивлением посмотрел по сторонам.

— А где же они? Вы их, наверное, положили в какое-нибудь другое место?

Но тут с Анной Петровной случилось что-то странное. Она быстро заморгала своими голубыми глазами и закрыла лицо передником.

— Ой! — прошептала она.

Детский Доктор, глядя на нее, побледнел и привстал со стула.

Петька всхлипнул и спрятался за шкаф.

— Нет больше этих конфет, голубчик! — тихо сказала Анна Петровна. — Отдала я их!

— Кому?!

— Да нашему соседу... Летчику...

— Летчику?..

— Ну да... Испытатель он... Какие-то самолеты испытывает, что ли, — еще тише прошептала Анна Петровна из-под сатинового передника.

— О-о-о... — простонал Детский Доктор и сел на пол рядом со стулом. —

Какой ужас! Если он съест хоть одну конфетку... Ведь все летчики такие смелые. Они даже слишком смелые. Их, наоборот, учат осторожности... О-о-о...

Анна Петровна опустила передник и шагнула к Детскому Доктору.

— Так что же ты на пол уселся, голубчик? — закричала она. — Потом посидишь на полу, если хочешь. А сейчас бежать надо, бежать! Где-то тут с тобой мальчишка был? В глазах что-то вроде мальчишки мелькнуло. Где он, мальчишка?

Она схватила Петьку за вихор и мгновенно вытащила его из-за шкафа, как вытаскивают морковь из грядки. Петька громко и жалобно заревел.

— Пойдешь во двор! — закричала Анна Петровна и вытерла его мокрый нос своим сатиновым передником. — Там найдешь такую грустную девочку Тому. Она где-нибудь там гуляет. Ты ее сразу узнаешь. Все девчонки хохочут, а она даже не улыбнется. Найдешь ее и спросишь, где ее папа... А мы тут пока...

— Я один не пойду!

— Вот еще!

— Я боюсь!

— Вот еще! — закричала Анна Петровна и вытолкнула его на лестницу.

Глава 5 ГРУСТНАЯ ДЕВОЧКА

Петька вышел во двор. Двор был чужой и страшный.

Около забора была навалена большая куча кирпичей и лежали толстые трубы. В такую трубу мог свободно залезть довольно большой зверь, а уж за кирпичами вообще мог спрятаться целый тигр или полслона.

«Мама, мамочка! — с тоской подумал Петька. — И зачем я только ушел из дому! Сидел бы дома под столом или лежал под кроватью... как бы хорошо было...»

Около сарая стояла группа мальчишек и девчонок. Они окружили рыжего мальчишку.

— А он ка-ак схватит чемоданчик! — быстро говорил рыжий мальчишка. — А она ка-ак закричит! А он ка-ак побежит! А она ка-ак в окно полезет! А я ка-ак...

«Гав-гав-гав!» — без передышки лаяла его безухая и безглазая собака.

Петька по очереди посмотрел на всех девчонок. Девчонки были розовые и веселые. Три девчонки улыбались, две смеялись, а одна девчонка, откинувшись назад, громко хохотала, и были видны ее белые зубы.

«Нет, здесь нет грустной девочки! — подумал Петька. — Может, она там, за сараем? Только как бы мимо этих мальчишек пройти...»

Петька, стараясь не смотреть на мальчишек, боком полез за сарайчик.

— Эй, ты! — сказал Петьке высокий противный мальчишка и ткнул в него пальцем.

На голове у противного мальчишки была маленькая панама. Наверное, он отнял эту панаму у какого-нибудь малыша.

Петька с тоской посмотрел на противного мальчишку и попробовал поскорее пройти мимо него. Но мальчишка ухмыльнулся и выставил вперед свою длинную ногу.

Петька споткнулся и кувырком полетел на землю.

— Ха-ха-ха! — противно захохотал мальчишка.

Петька стукнулся об землю коленками, локтями, животом, подбородком и немного носом. Но он даже не посмел зареветь. Ему казалось, что противный мальчишка сейчас бросится на него и разорвет его на кусочки.

Петька, дрожа всем телом, быстро уполз за сарайчик.

Здесь, в тени, росла трава и даже торчали два круглых одуванчика. Петька почувствовал животом, что земля здесь гораздо холоднее.

Он немножко успокоился и посмотрел вокруг. И тут он увидел грустную девочку. Он вообще никогда не видал таких девочек. Он даже не знал, что такие девочки вообще бывают на свете.

Она сидела на бревне, поджав под себя худые загорелые ноги, и прутиком рисовала на земле домики. Это были очень грустные домики. Окна у них были закрыты, а из труб не шел дым. Около домиков не было ни заборов, ни деревьев с круглыми яблоками.

Петька уставился на ее грустное лицо.

А какие ресницы были у грустной девочки! Пожалуй, даже слишком длинные. Петька, например, ни за что

на свете не хотел бы иметь такие ресницы. Когда она посмотрела вниз на какую-то букашку, ресницы до половины закрыли ее щеки.

У Петьки, наверное, был очень глупый вид. Он лежал на животе, и круглый одуванчик покачивался около его носа. Но грустная девочка посмотрела на него и не улыбнулась.

— Эй, ты! Тебя зовут Тома? Да? — хрипло спросил Петька.

— Тома! — грустно и серьезно сказала девочка. — А чего ты тут ползаешь?

— Это я... так, — шепотом сказал Петька и оглянулся на сарайчик. — А где твой папа?

— А зачем тебе мой папа? — грустно и удивленно спросила Тома.

— Понимаешь, у него такие конфеты... — быстро зашептал Петька, подползая к ней поближе. — А они не простые... Если он их съест — беда... Он ведь летчик... а они...

— Беда? С папой беда? — Тома вскочила на ноги. Ее глаза так широко открылись, что на лице почти не осталось места для рта и носа.

— Ты куда? Я здесь один не останусь! — закричал Петька.

Петька тоже вскочил на ноги и схватил Тому за руку. Рука у Тома была очень худенькой, ненамного толще, чем лыжная палка. Тома посмотрела на Петьку огромными испуганными глазами. Она смотрела на Петьку, но казалось, что она его не видит.

— Бежим за мной! Там Детский Доктор... Ну, скорее же!.. Я тебе все объясню...

Петька и Тома бегом бросились через двор.

Мальчишки и девчонки, стоявшие около сарая, вытаращили на них глаза и замерли с открытыми ртами.

И только рыжий мальчишка продолжал что-то быстро говорить. И его безухая и безглазая собака тоже, не переставая, что-то говорила на своем собачьем языке.

Петька и Тома вбежали в квартиру.

Дверь в квартиру была открыта, но там никого не было. Ни Анны Петровны, ни Детского Доктора. Только на столе рядышком стояли два желтых чемоданчика.

Тома заморгала глазами. На Петьку повеяло ветерком. Как будто мимо него пролетела птица.

— А где же все? Что ж теперь делать? — отчаянным голосом сказала

Тома. — Надо искать папу! Надо ехать на аэродром!

Петька изо всех сил вытянул шею и осторожно заглянул в желтый чемоданчик Детского Доктора.

— Ой, там еще бутылка какая-то!.. А вдруг в ней тоже что-нибудь опасное? И там еще что-то... Нельзя его здесь оставлять.

— Бери чемоданчик, и бежим! — закричала Тома.

Глава 6

ПЕТЬКА РЕШАЕТ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ РЕВЕТЬ

Петька и Тома выбежали на улицу.

В руках у Петьки был желтый чемоданчик Детского Доктора. В нем что-то булькало и перекатывалось с боку на бок.

Улица оглушила и ослепила Петьку.

Машины крутили колесами, фыркали и обдували его горячим воздухом. Солнце сверкало в их стеклах, как будто в каждой машине сидели десять мальчишек с зеркальцами в руках и пускали зайчики.

Петька на секунду зажмурился, и сейчас же ему на ногу наехало какое-то колесо.

— Ой! — закричал Петька.

Он открыл глаза и увидел детскую голубую коляску.

— Ну что же ты стоишь, мальчик? — сердито сказала толстая тетя, толкая его коляской.

Петька шагнул в сторону и налетел на какого-то дядю с портфелем.

— Куда же ты идешь, мальчик? — закричал дядя и ткнул его в бок портфелем.

Петька шарахнулся от него и налетел на какую-то старушку без портфеля, но зато с большой сумкой в руках.

— Куда же ты бежишь, мальчик? — закричала старушка.

Петька с беспомощным видом закружился на месте.

— Иди сюда, я тут! — услышал он Томин голос.

Тома стояла под большой круглой липой.

Ее лицо в зеленой тени казалось совсем бледным, а глаза были очень темными и мрачными.

Петька шагнул к ней, но в это время позади него послышался ужасный рев.

Конечно, так мог реветь только огромный, страшный зверь!

Петька, еле дыша от страха, оглянулся и увидел крошечного малыша.

Малыш стоял около дверей булочной и отчаянно ревел.

Никогда в жизни Петька не видал таких некрасивых малышей. Глаз у него почти не было, а рот был огромный, как дыра в водосточной трубе. Наверное, мама, когда кормила его супом, совала ему в рот большую разливательную ложку.

Слезы двумя ручьями текли по щекам малыша, огибая огромный рот.

— Бою-у-сь!.. — орал малыш. — Мама-а!

Тома присела около малыша на корточки.

— Ну не плачь! Ну не плачь! Ну чего ты боишься! — сказала Тома и погладила малыша по желтой челке.

— Боюсь!.. — еще громче заорал малыш.

— Ну чего ты боишься, глупенький? Ты же не в лесу! Вон дяди и тети идут и смеются. Говорят: «Ай как стыдно!»

— Боюсь!.. — кричал малыш, еще шире открывая рот и поливая Томины руки слезами.

— Что же делать? — Тома в отчаянии снизу вверх посмотрела на Петьку. — Не могу же я с ним остаться!.. Ой, а вон наш троллейбус...

Дверь булочной хлопнула. Из булочной быстро вышла тетя с очень желтой челкой и очень голубыми глазами. В руках она держала два батона и булку.

— Мама! — сказал малыш и закрыл рот.

И тут Петька увидел, что это очень хорошенький малыш. Глаза у него были большие и очень голубые, а рот такой маленький, что туда с трудом влезла бы чайная ложка.

— Наш троллейбус! Ну садись же! — закричала Тома.

Она ухватила Петьку за руку своей маленькой рукой, еще мокрой от слез малыша. Петька, довольно громко стуча зубами, полез в троллейбус.

Петька никогда один не ездил в троллейбусах. Когда он был маленьким, он всегда ездил с мамой.

А когда он вырос, все равно ездил с мамой, потому что боялся ездить один.

Он, дрожа всем телом, прислонился боком к какой-то строгой тете. У тети были строгие очки, строгие глаза под очками и строгий нос, похожий на птичий клюв.

Строгая тетя оттолкнула его от себя.

— Что с ребенком? — сказала она строгим голосом. — Он весь трясется... и, потом, в нем что-то стучит!

Петька быстро зажал рот рукою. Это стучали его зубы.

Его бедные зубы, которые болели после каждой ириски или пирожного. Но Петька все равно ни за что не соглашался пойти к зубному врачу. Он так боялся бормашины, как будто она была хищным зверем и вместе с тиграми бегала по джунглям.

Строгая тетя наклонилась к Петьке и крепко ухватила его за плечо.

Петьке показалось, что она сейчас клюнет его своим строгим носом...

— Я бо... — прошептал Петька.

— Болен? Ребенок болен! — ахнула строгая тетя. — Больной ребенок едет в троллейбусе! Его надо немедленно отправить в больницу!

— Я не болен, я бо...

— Что «бо»?! — закричала строгая тетя.

— Я боюсь!

— Ребенок боится ехать в больницу! — снова закричала строгая тетя и еще крепче ухватила Петьку за плечо. — Надо скорее вызвать «скорую помощь»!

Ему совсем плохо! Как он дрожит!
Остановите троллейбус!

Петька покачнулся и закрыл глаза.

Он чувствовал сквозь рубашку твердые пальцы строгой тети. Как будто у нее была не обычная, человеческая рука, а железная.

Тома пролезла между строгой тетей и Петькой.

Она подняла голову и посмотрела на строгую тетю.

— Он не болен, — сказала Тома своим тихим и серьезным голосом. — Он боится... боится опоздать. Мы очень торопимся. Правда?

У Петьки с трудом хватило силы кивнуть головой.

Строгая тетя с сожалением выпустила Петькино плечо. Видимо, она все-таки считала, что на всякий случай лучше остановить троллейбус и отправить в больницу этого дрожащего мальчика.

А Петька поскорее пробрался на свободное место, подальше от строгой тети и поближе к окошку.

Тома села рядом с ним.

И вдруг прямо в десяти шагах от себя за стеклом троллейбуса Петька увидел свой дом.

Розовый дом плавно уплывал назад.

А вместе с домом уплывал и голубой забор, и скамейка, и дворник в белом фартуке, и соседка тетя Катя.

Тетя Катя стояла рядом с дворником, и они улыбались друг другу. Петька вскочил на ноги.

— Ты куда? — удивленно спросила Тома.

— Я уже приехал... Все... Это мой дом...

— А разве ты... не со мной?

Петька посмотрел на Тому. Ее глаза были такими большими, что Петьке захотелось, чтобы они были хоть немножко поменьше. И не такие грустные. Бледные губы Тома дрогнули.

— Я с тобой, — буркнул Петька и снова сел на скамейку рядом с Томой.

С тоской посмотрел он на угол розового дома, на свой балкон, где мама повесила сушиться на веревке его трусы и старую ковбойку.

Троллейбус завернул за угол и быстро поехал по длинной улице, увозя Петьку все дальше и дальше.

Тома прижалась к окну лбом. Она тихонько стучала по стеклу кулаком и нетерпеливо шептала: «Ну скорее, скорее!» А Петька низко-низко опустил голову.

Что-то теплое и мокрое побежало у него по щекам.

Кап!.. — на светло-серых брюках появилось темно-серое круглое пятно.

И тут Петька почему-то вспомнил малыша, который стоял и плакал около булочной. Петька вспомнил его огромный рот и слезы, бегущие по щекам.

Петька сжал кулаки.

«Не зареву! Ни за что не зареву! Неужели у меня тоже такой вид, когда я реву? — подумал он и покосился на Тому. — Нет, больше никогда в жизни не буду реветь!»

Глава 7

ОЧЕНЬ ВЫСОКИЙ И ОЧЕНЬ ДЛИННЫЙ ЗАБОР

Петька и Тома бежали вдоль длинного забора. Петька старался бежать как можно ближе к Томе и даже несколько раз задел ее желтым чемоданчиком по ноге.

— А мой папа любит сладкое! — несчастным голосом прошептала Тома. — Он недавно с чаем целую банку варенья съел.

Ее ноги в коричневых тапочках замелькали еще быстрее.

— А ты знаешь, где аэродром-то? — на бегу крикнул Петька. — А может, мы не туда бежим?

— Ну да, не знаю! Он здесь, за этим забором. Там уже летное поле. Надо только до конца забора добежать.

— Да... а он вон какой длинный... Это пока мы добежим...

— Ой, правда! — Тома так резко остановилась, что Петька налетел на нее и ухватился за ее руку. — Давай через него перелезем!

— Да мы не пере...

— Ну как-нибудь!

Петька посмотрел на забор. Пока он бежал вдоль этого забора, забор казался ему очень длинным, но совсем не казался высоким. Но когда Петька решил через него перелезть, ему показалось, что это самый высокий забор на свете. Он был до самого неба и даже еще немного выше.

— Этот забор знаешь какой длинный, — сказала Тома. — А так мы гораздо скорее... Как хорошо, что ты со мной пошел! Ты мне поможешь... Что бы я без тебя делала?

Тут Петька снова посмотрел на за-

бор. И забор сразу показался ему намного ниже. Петька поставил желтый чемоданчик на землю, подпрыгнул и уцепился руками за верхнюю перекладину.

Петька никогда не лазил через заборы. Он никогда даже близко не подходил к заборам. Он всегда думал: «Зачем подходить к забору, когда еще неизвестно, что там за забором».

Ноги у него болтались в воздухе. Наконец ему удалось перекинуть одну ногу через верхнюю перекладину.

Петька сел верхом на забор. Сверху он увидел тонкий пробор на Томиной голове и узкие плечи.

— Давай руку, — сказал Петька, но не удержался на перекладине и, как мешок, свалился на землю по другую сторону забора.

Он сел, потирая ушибленный бок и локоть.

— Отдай! Не трогай! Это не твой! Ай! — вдруг жалобно закричала Тома.

Голос у нее был такой, как будто она вдруг очень сильно заболела.

— Ха-ха-ха! — захохотал кто-то отворотительным смехом.

Петька вскочил на забор. Он даже сам не понял, как это у него получилось.

Тома стояла и тянула к себе желтый чемоданчик. А рядом с ней стоял противный мальчишка в маленькой белой панаме и тоже тянул к себе желтый чемоданчик. И при этом он громко хохотал, показывая ярко-желтые, нечищенные зубы.

— Это мой чемодан! — закричал Петька.

— Ты еще откуда взялся? — захохотал мальчишка. — Твой чемодан? А что в этом чемоданчике?

— В нем?.. В нем?.. — растерялся Петька. — А в нем бутылка...

Противный мальчишка рванул чемоданчик, и Тома села прямо в лопухи, которые росли около забора.

— А что в бутылке?

— Я... Я не знаю...

— Значит, не знаешь? — захохотал мальчишка. — Так я и знал. Значит, чемоданчик твой, бутылка твоя, а что в бутылке — не знаешь!

— Там... там...

— А что еще в чемоданчике?

— Не знаю...

— «Не знаю, не знаю»! — передразнил его мальчишка. — А я знаю! Откуда это у тебя будет такой чемоданчик? Ты, наверное, украл этот чемоданчик!..

— Я не крал! — закричал Петька и свалился с забора.

— А ну-ка, ребята, посмотрите, что в чемоданчике! — крикнул противный мальчишка.

И тут только Петька заметил, что позади противного мальчишки стоят еще четыре мальчишки и среди них рыжий мальчишка с мохнатой собакой на веревочке.

Рыжий мальчишка схватил чемоданчик.

— Да это не его чемоданчик! — быстро заговорил он. — Это того дяденьки чемоданчик! Он его ка-ак поднимет!.. А та тетенька ка-ак закричит!..

«Гав-гав-гав!» — залаяла безухая и безглазая собака. Наверное, она тоже рассказывала про дяденьку и про тетеньку, а может быть, и про что-нибудь совсем другое.

Рыжий мальчишка открыл желтый чемоданчик.

— Тут какая-то бутылка! — закричал он. — Я сейчас ка-ак...

Тома громко заплакала.

— Эх ты, балда, еще с ревой связался! Ха-ха-ха! — захохотал противный мальчишка. — Ведь она рева, рева!

Петька посмотрел на Тому. Она сиде-

ла на земле, большие лопухи доходили до ее подбородка. Из лопухов торчала только ее голова и две руки, закрывавшие лицо.

— Она не рева! — закричал Петька и, сжав кулаки, бросился на противного мальчишку.

А мальчишка был высокий. А мальчишка был страшный. А мальчишка, наверное, дрался каждый день. А у мальчишки были такие большие кулаки, как будто у него было по десять пальцев на каждой руке.

Но все равно Петька не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь обзывал Тому ревой. Даже если бы она редела с утра до вечера всю жизнь.

Петька ударил противного мальчишку кулаком прямо в нос. Противный мальчишка лягнул его ногой. Тогда Петька ударил его кулаком прямо в подбородок. Противный мальчишка, как волк, лягнул своими нечищеными зубами и свалился в лопухи.

Тем временем рыжий мальчишка, не переставая говорить, вытащил из бутылки пробку и поднес бутылку ко рту. Он сделал один большой глоток, потом второй и вдруг замер с открытым ртом.

Бутылка выпала из его растопыренных пальцев.

Белая жидкость потекла по лопуху, как по большой зеленой тарелке.

Безухая и безглазая собака, громко лая, начала лизать эту белую жидкость и вдруг замерла, широко открыв пасть и высунув розовый язык. Оказалось, что у этой собаки все-таки был еще и язык.

— Смотрите, тут какая-то коробочка! — закричал самый маленький мальчишка в коротких штанах и подкинул вверх белую квадратную коробочку.

Коробочка открылась.

Тонкая серебристая пыль окутала мальчишек.

— Ха-ха-ха! — звонко захохотал маленький мальчишка в коротких штанах.

— Ха-ха-ха! — захохотали другие мальчишки.

— Ой, я не могу! Держите меня, я сейчас упаду в лопухи!

— Какое смешное слово «лопухи»! Хи-хи-хи!

— Ха-ха-ха!!

Только рыжий мальчишка стоял, расставив руки, и молчал, наверное, впервые с тех пор, как родился.

Противный мальчишка вылез из лопухов. На носу у него была большущая шишка, и поэтому нос стал какой-то двухэтажный.

— Ха-ха-ха! — еще громче захохотали мальчишки, указывая на него пальцами.

— Ой, ребята!

— Ой, поглядите!

— А нос-то какой! Ну и носище!

Противный мальчишка закрыл панамой свой двухэтажный нос и заревел. Нос у него теперь стал такой большой, что маленькая панاما оказалась на него в самый раз.

Но Петька и Тома всего этого не видели. Они давно были по другую сторону забора и со всех ног мчались к аэродрому. В руке у Петьки был пустой желтый чемоданчик.

Глава 8 ОПЯТЬ ОЧЕНЬ ВЫСОКИЙ И ДЛИННЫЙ ЗАБОР

Анна Петровна и Детский Доктор бежали вдоль длинного забора. Они пыхтели, как два паровоза устаревшей конструкции.

— Уф, Анна Петровна, — на бегу проговорил Детский Доктор, — мы совершили, уф, две непростительные ошибки. Во-первых, уф, мы должны были взять такси, а во-вторых, уф, мы не должны были заходить к этому укротителю, уф!

— Но я думала, ох, что Томин отец у него, ох! Я же не виновата, ох, что мы никого не застали!

— А я, уф, никого не виню, уф! — на бегу крикнул Детский Доктор.

— Нет, я чувствую, ох, по вашему тону, ох, что вы считаете меня виноватой, ох! — на бегу ответила Анна Петровна.

— Я ничего не считаю, уф! Главное, уф, нам скорее попасть на аэродром, уф. Неужели, уф, этот ужасный забор, уф, никогда не кончится, уф?

— Но, ох, через него, ох, можно, ох, пе... ох, ре... ох, лезть!.. — С этими словами Анна Петровна высоко подпрыгнула и попробовала ухватиться за верхнюю перекладину. Но она тут же упала в лопухи.

Она лежала в лопухах, тяжело дыша, и была похожа на паровоз, свалившийся под откос.

— Анна Петровна, уф, я как врач,

уф, увы, в нашем возрасте, уф... Но, может быть, здесь есть какая-нибудь калитка или дырка?

— Не может быть, чтобы не было калитки! — закричала Анна Петровна, вылезая из лопухов. — В жизни не слыхала, чтобы был забор без калитки! На то он и забор, чтобы в нем калитку делать! Только где она?

— А вот идет какой-то мальчик! Мы у него спросим!

Действительно, им навстречу шел рыжий мальчишка. Позади него уныло тащилась безухая и безглазая собака. Ее розовый язык волочился по пыльным лопухам.

— Ох, это такой болтун! — с досадой поморщилась Анна Петровна. — Целый час будет болтать, пока... Эй, говори немедленно, где здесь калитка?

Но рыжий мальчишка с тоской посмотрел на нее и ничего не ответил.

— Где, где калитка? — снова закричала Анна Петровна.

Но рыжий мальчишка несколько раз открыл рот, как рыба, вытащенная из воды, и опять ничего не ответил.

— Да что с тобой такое? — закричала Анна Петровна и, оттолкнув рыжего мальчишку, бросилась вперед, как

паровоз, который снова поставили на рельсы.

— Ха-ха-ха!

— Ой, братцы! Хо-хо-хо!

— Ой, не могу! Хи-хи-хи!

Детский Доктор и Анна Петровна замерли, потрясенные. Они увидели трех мальчишек.

Мальчишки лежали на земле. Они корчились от смеха, из глаз их лились крупные слезы, ослабевшими руками держались они за животы и хохотали не переставая. Самый маленький мальчишка в коротких штанах лежал на земле, задрав кверху розовые коленки. Он был похож на жука, который лежит на спине и никак не может перевернуться.

— Где здесь калитка? — закричала Анна Петровна, останавливаясь над ним и сжимая кулаки.

— Калитка? — в полном изнеможении простонал маленький мальчишка. — Ха-ха-ха!

— Калитка? Ну и смешное слово! Хо-хо-хо!

— Ха-ха-ха! Я сейчас лопну!

— Хи-хи-хи! Калитка! Я не могу остановиться!

— Ой, держите меня, братцы! Ха-ха-ха!

— Да что они все, с ума посходили, что ли? — в отчаянии закричала Анна Петровна. — Да я их всех сейчас...

— У нас нет на это времени! — крикнул Доктор, бросаясь бежать. — Нам надо торопиться! Мы и так уже...

Детский Доктор не договорил и побежал еще быстрее.

Глава 9 НА АЭРОДРОМЕ

Петька и Тома бежали по квадратным плитам аэродрома. Со стороны можно было подумать, что два очень молодых пассажира опаздывают на самолет.

На бетонированных дорожках стояли огромные, тяжелые самолеты, раскинув свои красивые крылья, и механики в синих комбинезонах поили их бензином и кормили маслом.

— Скорее, скорее! — закричала Тома. — Может быть, мой папа еще не улетел!

Из-за круглого белого облака вылетел самолет.

Он казался совсем маленьким. Он блеснул своим серебряным животом и кувыркком полетел вниз.

— Это папка! — закричала Тома и горестно всплеснула руками. — Я знаю, знаю...

Слезы бежали у нее по лицу, а ветер вытирал и сушил их.

А серебряный самолет, блестя, как рыбка, падал все ниже и ниже и только у самой земли вдруг взмыл носом кверху и стал кругами уходить за белое облако.

«Ну ясно, он все конфеты съел!.. — холодея от ужаса, подумал Петька. — Еще бы немножко — и об землю...»

— Ай!

Прямо на них по длинной дорожке бежал огромный самолет. Он бежал прямо на Тому и Петьку и становился все больше и больше. И вдруг с грохотом и свистом он поднялся в воздух, на мгновение закрыв собой все небо.

Петька схватил Тому за руку и рванул книзу. Они упали на бетонные плиты.

Тяжелый, грузный самолет быстро уменьшался, становясь легким и серебряным.

— Вы что тут делаете? — закричал молодой летчик, подбегая к ним.

Он был очень бледный. Глаза у него были холодные и злые.

Он крепко схватил Тому за руку, а Петьку за ухо и поднял их с земли.

— Нашли место, где играть! Да вы могли!.. Да вас он мог!.. Да от вас могло!..

И злой летчик с таким шумом выдохнул воздух, как будто он не дышал уже целый час.

— Нам нужен самый главный начальник! — отчаянно заорал Петька, обеими руками цепляясь за летчика.

— Вечно вы, мальчишки, что-нибудь придумаете! — еще больше разозлился молодой летчик, отдирая от себя Петькины руки.

— Нет, нам очень нужен главный начальник! Самый главный! Тут одни такие конфеты... Ее папа съел конфеты!.. — попробовал объяснить Петька и замолчал. По лицу летчика он увидел, что тот еще больше рассердился.

— Конфеты?! Ах, конфеты?.. А может быть, он еще и мороженое съел? А ну уходите отсюда сейчас же!

— Мой папа... — сказала Тома. Она все время стояла и смотрела на летчика исподлобья, а тут она подняла голову и посмотрела ему в глаза. И все,

что Петька так безнадежно пытался объяснить ему словами, она каким-то образом объяснила ему глазами.

Лицо у летчика стало очень серьезным.

Он положил руку Томе на голову.

И Петька увидел, что рука у этого летчика очень добрая. Она ласково погладила Томины спутанные волосы.

— А ну, ребята, за мной! — сказал летчик и, повернувшись, быстро зашагал к невысокому зданию со стеклянной вышкой в конце летного поля.

В комнате, куда летчик привел Тому и Петьку, все стены были стеклянные. Можно было смотреть направо и налево и куда хочешь, и все было видно.

Никогда еще Петька не видел такой чудесной комнаты.

За столом сидел человек в летной форме.

У него были седые волосы и орлиный нос.

Этот человек был похож на смелого вождя какого-то индейского племени.

Если бы ему в волосы вставить длинные перья, надеть на шею бусы и раскрасить лицо... Нет, даже без этого он был похож на вождя индейского племени.

— Я — Тома Петрова! — закричала Тома, бросаясь к нему. — Мой папа...

И вот что произошло через полторы минуты.

Седой летчик, похожий на индейского вождя, нажал какую-то кнопку и придвинул к себе микрофон.

— Я — Река! Я — Река! — сказал седой летчик. Он немножко побледнел. А может быть, Петьке это просто показалось. — 403 — на прием! Вы меня слышите?

— Я — 403! Я — 403! Я вас слышу!

Голос был совершенно спокойный. Но Тома вздрогнула, потому что это был голос ее отца.

— 403, отвечайте. Вы ели сегодня конфеты?

— Что?!

— Отвечайте на вопросы. Вы ели сегодня конфеты... в розовых бумажках?

— В розовых бумажках?!

— Да, да! Вас угощала сегодня ваша соседка конфетами в розовых бумажках?

— Что?.. Ах да, вспомнил. Совершенно верно. Но...

— 403, вы ели эти конфеты?

— Нет.

— Уф!.. — сказал седой летчик. На мгновение он откинулся в кресле и закрыл глаза. Но это было только одно мгновение. — Я вам категорически запрещаю есть эти конфеты.

— А у меня их и нет!

— Нет?!

— Нет.

— А... где же они?

— Я... Ах, да... Я заезжал по дороге к своему приятелю и оставил их у него на столе.

— А кто ваш приятель?

— Он укротитель зверей.

— Ой! Дядя Федя... — тихо сказала Тома и прижала руки к груди.

— А он смелый? — шепотом спросил Петька.

— У-у!.. Знаешь, какой он смелый... У него там львы... — тоже шепотом ответила Тома.

— Тогда бежим! — закричал Петька.

Вообще-то Петьке очень понравилось в кабинете самого главного летчика. Он бы даже охотно переехал жить в этот кабинет, если бы ему предложили.

Но сейчас надо было бежать.

Петька схватил Тому за руку и потащил ее из кабинета. Тома на бегу обернулась и крикнула: «Спасибо!»